

В.И. Чуешов, К.Р. Еськевич
ДИАЛЕКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО И
ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ФИЛОСОФСКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье анализируются глобальные и локальные, объективные и субъективные аспекты диалектики государственного управления и государственного строительства в вариантах глобального управления, глобальной управляемости, глобального регулирования.

The article analyzes the global and the local, objective and subjective aspects of the dialectics of state governance and state-building in the variants of global governance, global regulation.

Ключевые слова: государственное управление, национальное государство, глобальное управление, диалектика, глобализация.

Keywords: public administration, state-nation, global governance, dialectics, globalization.

В качестве опосредующего звена взаимодействия государственного и глобального управления и регулирования в наши дни исследователи чаще всего указывают на глобализацию, а также на определенный конкретно-исторический контекст, будь-то и государственное управление в Беларуси, России или США.

Глобализация как объективное и субъективное явление аналитически корректно соотносится с диалектикой государственного регулирования и управления не в общем виде, а через призму особенностей глобального управления [4].

Смысл последнего разъяснялся в Декларации тысячелетия, утвержденной Генеральной Ассамблеей

Чуешов В.И., Еськевич К.Р. Диалектика государственного и глобального управления и регулирования в условиях глобализации: философско-методологические аспекты // РАЦИО.ru. 2013. № 11. С. 144-167.

ООН 8 сентября 2000 г. В этом документе, в частности, констатировалось, что главы всех современных государств несут коллективную ответственность за судьбы мира, что глобализацию необходимо наполнить позитивным для всего мира, а не только для одной ее, меньшей части, содержанием. В Декларации, фактически, проводилась мысль о том, что Всеобщая декларация прав человека является, если и не идеологией глобального управления, то такой ее основой, которая призвана обеспечить задачи «благого управления», связанного с утверждением ценностей человеческого достоинства, равенства и справедливости во всем мире. В ней провозглашалось, что обязанность по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, а также по устранению угроз международному миру и безопасности должна разделяться между «народами мира и осуществляться на многосторонней основе» [6].

Мейнстрим интерпретации диалектики государственного управления и глобализации сегодня представлен в рассуждениях о глобальном управлении современным миром. А.Б.Вебер, однако, утверждает, что точнее было бы говорить в этой связи не о глобальном управлении, а о глобальной управляемости, кальке английского выражения «global governance», которое получило широкое распространение в современной западной социогуманитарной литературе после мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. Как известно, еще в октябре 2008 г. президент Франции Н.Саркози, выступая на конференции по мировой политике в Эвиане, отмечал, что современный однополярный мир движется «без руля и ветрил». В этой связи французский президент призывал к строительству новой системы глобальной управляемости («new world governance»).

В наши дни национальных государств в несколько раз больше, чем в начале прошлого столетия. Однако, означает ли это, что современный социально-исторический контекст взаимодействия государственного управления и регулирования является более сложным по сравнению с контекстом начала XX века. Очевидно, что однозначно утверждать этого нельзя.

Дело заключается в том, что, будучи в формально-юридическом смысле равноправными, две сотни современных национальных государств разнятся по размерам своей территории, численности населения, природно-климатическим условиям и обладанию природными ресурсами, но, главное, их экономическому и военному потенциалу, и, следовательно, «вместе они образуют крайне неравновесную систему». Неравновесность, а также асимметричность этой системы «компенсируется объединением государств в региональные союзы, но одновременно она воспроизводится на более высоком уровне» [3, с. 2]. В наши дни складываются, во-первых, не только новые элементы международного порядка, в виде национальных государств, но и, во-вторых, они оказываются элементами некоторого неизвестного ранее противоречивого целого: сети глобального управления.

Российский исследователь указывал на такие элементы сетевого глобального управления, как «поддержание мира и безопасности, мировые финансы, международная торговля, международное воздушное сообщение, морское судоходство, распределение радиочастот и т.п. Отличительные черты этой системы – фрагментарность, множественность центров принятия решений и влияния, крайне неравномерное распределение власти и ресурсов, многообразие сталкивающихся интересов, высокая степень конфликтности, общая неустойчивость» [3, с. 2]. Вслед за Ф.Теннисом, в

качестве субъекта глобального управления предлагается рассматривать мировое сообщество.

Нельзя не согласиться с тем, что идеи глобального управления имеют богатую историко-философскую традицию (А.Данте, И.Кант, О.Конт, Б.Рассел и др.). Если, например, Данте аргументировал необходимость существования некоей высшей управленческой силы, то Кант доказывал идею «всемирной федерации государств» [см.: 3, с. 14 – 15].

В наши дни идея глобального управления представлена концепцией «human guidance» Р.Фолка, или согласно А.Б.Веберу, «центральной направляющей системы», взглядами Ф.Фукуямы на то, что глобальное управление является «управлением процессами, а не территориями», т.е. управлением не вместо, а вместе с национальными государствами [3, с. 16].

В этом же ряду находится концепция «объединенного управления» [20, с. 91], а также работы Д.Хелда. По мнению последнего, «национальные государства не являются отныне единственными центрами или главными формами правления или органами власти в мире... В условиях меняющегося глобального порядка формы и функции государства должны адаптироваться к нему, а правительства находить соответствующие стратегии для налаживания связи с глобализирующимся миром.... власть национальных правительств не обязательно уменьшается в результате процесса глобализации, напротив, власть преобразуется и реструктуризируется, приспособляясь к возрастающей сложности процессов управления в мире, пронизанном более тесными взаимосвязями» [24, с. 11 – 12].

Данная мысль нам представляется весьма существенной для понимания сути диалектики государственного управления и регулирования в условиях современной глобализации. Она непосредственно указывает на то, что глобальное управление (которое, за-

метим в скобках весьма непросто отличать от глобальной управляемости) в качестве опосредствующего звена государственного управления и регулирования являются не внешним и случайным, а внутренним и необходимым фактором данного взаимодействия.

В сходном направлении развиваются концептуальные представления о связи глобализации и управления даже в том случае, если признается, что сфера государственного управления, как, впрочем, и управления вообще применительно к современному глобальному миру является очень ограниченной. «Хотя мировое сообщество уже фактически и стало под влиянием процессов глобализации единой целостной системой, тем не менее, оно еще не обрело соответствующих механизмов управления, адекватных этой целостности. И что особенно важно, для реализации такой задачи сегодня нет даже необходимых предпосылок. Поэтому любые попытки управлять глобализацией тщетны, а разговоры об «управляемой глобализации» (тем более управляемой мировым сообществом в целом) – или заблуждение, или же они диктуются иными целями, не имеющими прямого отношения к глобальным процессам» [25].

С этой точки зрения, глобальное управление не подменяет собой, да и не может подменить национального государственного управления, которое по отношению к нему является управлением локальным.

Отталкиваясь от представлений о том, что в наши дни не существует одного единственного субъекта управления глобальным миром, некоторые исследователи применительно к современному миру в целом предлагают вообще отказаться от понятия «управление», заменив его понятием «глобальное регулирование». В такой перспективе глобальная управляемость глобальной регулируемостью. Вместе с тем, т.к. любая регулируемость, так или иначе, намекает нам на суще-

ствование некоторых законов (объективных, устойчивых, существенных, повторяющихся связей между явлениями), постольку важнейшей проблемой глобальной регулируемости оказывается проблема ее номотетических оснований.

Согласно А.Н. Чумакову, необходимость отказа от использования понятия глобального управления и замена его глобальным регулированием объясняется тем, что «управление... всегда и непременно предполагает наличие субъективного фактора и характеризуется более сложной структурой отношений между субъектом и объектом. Оно тесно связано с такими понятиями как «управа», «право», и представляет собою процесс, в основе которого всегда лежит целеполагание и обратная связь, постоянно корректирующая поведение субъекта в процессе достижения цели» [25].

С этой точки зрения, управление с необходимостью предполагает регулирование, тогда как «регулирование без развития мы можем наблюдать сплошь и рядом, как в живых системах, так и в социуме» [25].

В такой перспективе, субъектом глобального управления могло бы быть единое человечество (этот неизвестный ранее в доглобализационную эпоху субъект управленческой деятельности), которому для того чтобы выполнять функции субъекта необходимо обладать рядом, еще отсутствующих в наши дни у единого человечества признаков и характеристик: наличие общезначимой морали и единого правового поля; обеспечение совместной безопасности; существование единого экономического пространства и общего языка межнационального общения и др.

Поскольку в наши дни такие предпосылки, фактически, отсутствуют, то следует признать, что «глобальный мир как единое целое всего лишь только регулируется, но вовсе не управляется – ни явным образом, ни латентно» [25]. С этой точки зрения един-

ственной реальностью наших дней является не глобальное, а национальное государственное управление. Вместе с тем, отсутствие единой общечеловеческой морали и права не только проблематизирует телеологические основы процессов глобального государственного управления и глобального строительства, но и указывает на возможность применения к их взаимосвязи знаменитой гоббсовской логики естественного состояния человечества в виде «войны всех против всех».

Развивая логику «Левиафана» применительно к диалектике государственного управления и государственного строительства в условиях глобализации, современный российский ученый полагает, что альтернативой самоуничтожения современного единого человечества может быть только «конструктивный диалог и поиск на этой основе взаимоприемлемых решений» [25]. Однако, этот диалог является проблематичным и на региональном, и на глобальном уровне, и с этой точки зрения нервом диалектики государственного управления и регулирования в глобальной перспективе является поиск ответа на вопрос, как возможен конструктивный диалог и почему на разных уровнях возможности для его осуществления разные. В качестве основы данного диалога обычно предлагают рассматривать культуру и цивилизацию, при том, что более надежной основой конструктивного диалога является все же цивилизация, в частности, степень цивилизованности тех, кто вступает в диалог в качестве такого общего фона опыта, который за пределами отдельных культур (т.е. в поликультурном пространстве глобального человечества) формируется не на культурных, а на «цивилизационных основаниях и принципах» [25].

Следовательно, культура – важное и необходимое, но недостаточное условие формирования субъек-

та (субъектов) современного глобального управления и строительства [1, 5, 10, 17, 20, 21, 22, 27].

Обычно считается, что предметная область государственного управления ограничивается сферой действия той или иной государственной власти. Как нам представляется, проблемы управления все же не делятся без остатка на проблемы власти, поскольку они тесно связаны и с вопросами государственного строительства, и мн. др. Таким образом, если современная глобализация правильно понимается как одновременно и объективное, и субъективное явление, то в нашем мире следует считаться не только с национальным государственным управлением, глобальной управляемостью современным миром, но и его глобальным регулированием с помощью каких-то сегодня еще не вполне известных законов. Вместе с тем представление о взаимосвязи государственного управления и регулирования может трактоваться иначе, когда глобализация рассматривается как по преимуществу субъективный процесс.

Как иногда утверждается в отечественной литературе, в конце прошлого и начале нынешнего века глобализация оказалась формой плодотворного развития только одного национального государства – США, тогда, как для других государств она оказалась пагубной. Плодами глобализации воспользовалась Америка, как «метрополия всемирной империи» (С.Хантингтон) [11], при том, что имперскость США, в отличие от других типов региональной имперскости, не имеет национальной окраски [23]. Действительно, в наши дни редкостью не являются представления о том, что «именно Америка определяет сейчас направление движение человечества, и соперника ей не предвидится... под воздействием американской демократии – и примера американских достижений – повсюду происходят экономические, культурные и технологические

изменения, содействующие формированию национальных границ, так и сквозь эти границы» [2, с. 7 – 8].

Акцент на субъективной природе глобализации заостряет вопрос о том, что если реальность, подлежащая управлению, представляет собой не национальные народно-хозяйственные комплексы, а транснациональные сети, то существуют ли пределы «способа управления, связанного с национальным государством» [11].

С этой точки зрения альтернативой национальному государственному управлению может быть принцип сетевого самоуправления, или управления, осуществляемого различными транснациональными структурами, в том числе и управление через ТНК.

В такой перспективе диалектика государственного управления и глобализации будет связана с поиском ответа на вопрос о том, а адекватны ли эти постнациональные, а по сути наднациональные, вненациональные, – «формы управления современной стадии глобализации?» [11].

Субъективная глобализация, как основа формирования надгосударственного глобального управления, конечно, может диктовать свои рекомендации национальному государственному управлению и государственному строительству, последнее из которых в таком контексте оказывается формой своего упразднения, что проявляется в различных видах так называемого сепаратизма.

Обратим внимание на то, что, если в перспективе глобализации, как одновременно объективного и субъективного процесса, на передний план диалектики глобализации и национального государственного управления выдвигаются проблемы взаимосвязи глобального и локального, объективного и субъективного (управления и регулируемости), то трактовки глобализации как по преимуществу субъективного процесса

актуализируют проблемы связей части и целого, обращают наше внимание на то, что угрозой национально государственному управлению является сепаратизм. Противоположностью сепаратизма является интеграция. Данное обстоятельство, как нам представляется, позволяет различать следующие относительно самостоятельные виды опосредствования государственного управления и глобализации: интеграционный и дезинтеграционный, или сепаратистский, пролиферационный, а также констатировать «определенную неопределенность» их взаимоотношений, или, как сегодня модно говорить, их синергетическую природу.

Сепаратистский вариант интересующей нас диалектики будет существенно зависеть от уровня и объема ресурсов, доступных тем или иным субъектам государственного управления. На поверку он, однако, будет не менее зависеть от темпов и особенностей современной глобализации как объективного процесса, а, следовательно, от особенностей глобальной управляемости мира.

Если важнейшей задачей национального государства в условиях глобализации, понимаемой как единство объективного и субъективного, будет формирования цивилизационных основ для организации и налаживания межгосударственного и глобального диалога, то важнейшей задачей национального государства в условиях глобализации, понимаемой в качестве субъективного процесса будет сохранение собственной культурной идентичности. Вместе с тем, национальное государство даже в условиях глобализации, как только субъективного процесса, должно не просто сохранять (охранять) культурную идентичность, но и вырабатывать собственную культурную политику, которая должна быть совместимой в цивилизационном отношении с культурной политикой

других государств. В этой связи нуждаются в более обстоятельном изучении особенности взаимосвязи национально культурной идентичности и региональной интеграции, в особенности, ее глобального потенциала (М.Г.Делягин).

В современной литературе для обозначения глобализационного потенциала процессов культурной идентификации, интеграции и регулирования используются такие общие понятия, как «глокализация», «гробализация», «фрагментация» и др.

Субъективная и объективная реальность как глобальной, так и новой локальной управляемости определяется не только процессами экономической, политической, культурной, цивилизационной глобализации.

На нее серьезное влияние оказывает информационно-технологическая глобализация, одной из форм существования которой является так называемое электронное правительство. Это правительство иногда рассматривают даже как новую постиндустриальную философию государственного управления [15, 16].

М.Кастельс, например, недвусмысленно указывал на то, что современные информационные технологии существенно видоизменяют природу власти и управления. Они «приводят к видоизменению конфигурации взаимодействия государства и общества. Они формируют новую среду государственного управления, для которой электронное правительство становится наиболее адекватной формой» [16].

В нашей свободной интерпретации это означает, что национальное государственное управление, уже не являясь руководством и (или) правлением, становится сервисной деятельностью (ограничивается оказанием обществу разнообразных услуг), будучи более открытым и доступным для граждан и существующем, доба-

вим от себя, в новом типе территории – виртуальном пространстве.

Анализируя соотношение глобального и национально-государственного управления в контексте глобализации и конкретно-исторического государственного строительства, можно также полагать, что сегодня национальное государство «по-прежнему сохраняет роль ключевого элемента системы глобального управления, характеризуется многоэлементностью, многофункциональностью и, несмотря на глобализацию, многообразием организационных решений [14, с. 6].

Ответом на вызовы современной глобализации должен быть не демонтаж национального государства, а его усиление, или превращение национального государства в эффективное государство. Построение эффективного государства может идти трояким образом: «либо путем изменения состава его элементов, либо путем реструктуризации межэлементных связей, либо, наконец, путем повышения качества (в самом широком смысле этого слова) указанных элементов и связей. Конечно, возможна и любая композиция из названных путей изменения» [там же, с. 8].

С этой точки зрения, государственное управление является составной частью, точнее даже, элементом государственного строительства (в общем виде отношение между понятиями «элемент» и «часть» состоит в том, что первый является далее неделимой в некотором отношении частью (целого), а «любая реформа государственного управления и, как следствие, государственной службы представляет собой не что иное, как попытку оптимизировать управление для наиболее эффективного развития общества и государства» [14, с. 9].

Осмысление диалектики государственного управления и глобализации, в отличие от взаимосвязи

глобального регулирования и глобализации невозможно без обращения к таким цивилизационным компонентам, как общие идеи (идеология) и философия. Вместе с тем в наши дни современная философия государственного управления еще только-только складывается [7], и в ней в орбиту анализа вовлекаются не онтологические, аргументологические, а аксиологические, гносеологические и методологические основания человеческой деятельности в процессах управления [8].

Отмечая конкретно-исторический характер философии государственного управления, российский ученый справедливо указывает на то, что «одной из важнейших задач философии управления должна стать разработка концептуальных оснований формирования российской модели управления» [7].

Нельзя не согласиться с тем, что четко сформулированная национальная модель управления может играть роль важнейшего фактора долговременного объединения страны для построения процветающего общества и служить условием эффективности практики управления. «Эта модель должна являться частью системы макроуправления, пронизывать ее содержание, определять «правила игры» во всех сферах управления» [7].

Вместе с тем, размышляя об общих особенностях национальной (в частности, российской) философии государственного управления, обычно обращают внимание на ее связь с выбором целей и путей развития общества, иначе говоря, на то, что в истории обычно называлось идеологией.

Эффективность государственного управления определяется тремя важнейшими компонентами: практическим опытом (здравым смыслом); теоретическими знаниями, обычно основанными на использовании достижений различных научных дисциплин; искусством руководителя и, наконец, что нам важно

подчеркнуть в этом контексте, философией государственного управления.

Согласно В.С.Диеву, если опыт и искусство являются индивидуальными характеристиками каждой личности, то теории управления можно и нужно обучать. Специальная подготовка, при прочих равных условиях, действительно, позволяет сделать деятельность человека более рациональной и эффективной. А последняя во многом определяется особенностью принимаемых решений. Обратим в этой связи внимание на то, что в России еще в 2005 г. в рамках специальности «Философия» стала фиксироваться такая новая специализация, как «философия и методология принятия решений». Однако, является ли данная специализация частью общей философии управления (государственного управления), или она имеет самостоятельное значение, последовательного ответа на этот вопрос в современной литературе до сих пор все же найти сложно.

Неудивительно, что исследователи ссылаются не столько на идеологию и философию государственного управления, а на его ценности (культуру) [20, с. 85]. В.И.Якунин, например, уместно ссылается на социально-исторические предпосылки делегитимизации связей ценностей и государственного управления, представленные в современной Конституции России, в которой был сформулирован запрет на государственную идеологию.

Известна аналогия между управлением государством и двумя известными в философии Аристотеля типами хозяйствования: экономикой – наукой ведения (строительства) дома, домашнего хозяйства и хрематистикой – наукой о получении прибыли.

Как нам представляется, если экономика-хозяйствование может рассматриваться, конечно, с известными оговорками, как аналог государственного

строительства и регулирования, то хрематистика – эффективное ведение дел, как один из возможных прототипов государственного управления, отдавая себе отчет в том, что, если процесс строительства дома является неэффективным, т.е. не соответствующим стандартам хрематистики, то его следует либо останавливать, либо трансформировать [27].

Если государственное управление, в том числе и глобальное управление, связано с ценностями, идеологией, философией, то государственное регулирование, глобальное регулирование увязано со стоимостью и ценами. В этой связи предельно заостряется значение ответа на вопрос: «Что именно следует класть в основу государственного управления и регулирования в условиях глобализации: ценности или цены?». В этой связи заслуживает внимания повторенная В.И.Якуниным вслед за Ф.Ницше мысль о том, что то, что для нас имеет цену, не имеет большой ценности [ср.:20, с. 85 – 86].

По мнению современных российских исследователей, сценарии государственного строительства в современной России могут быть увязаны с повышением привлекательности таких ценностей, как европеизм, независимость и свобода, политическая демократия. Согласно В.Н.Шевченко, если их будет больше, то модернизация государственного строительства и управления в современной России состоится. Это означает, что «российскому обществу остро нужен мощный рывок вперед. Новой версией идеологии, на которой базируется объявленная модернизация, становится идеология российского консерватизма, как некий уточненный вариант прежнего либерального консерватизма. В объявленном варианте модернизации можно выделить три главных мировоззренческих, идеологических вектора. Назовем их так:

– Больше европеизма.

– Больше независимости.

– Больше свободы и политической демократии» [26, с. 46].

В этой связи уместно прибавить, что роль и значение ценностей в государственном строительстве энергично аргументируется не только отечественными, но и многими современными западными мыслителями, например, бывшим папой римским Бенедиктом XVI [18].

Вместе с тем, не следует думать, что мнение относительно ключевой роли философии, идеологии во взаимосвязи государственного управления и государственного строительства является единодушным. Если одни современные специалисты заняты поиском аргументов о возможности и необходимости союза философии (ценностей, идеологии) и государственного и глобального управления, то другие концентрируют внимание на том, что связь философии и государственного управления является для обеих сторон вместе и по отдельности пагубной.

Обратим в этой связи внимание на аргументы о том, что союз философии и государственного управления является либо нежелательным для философии (при этом, в частности, ссылаются на сиракузские уроки Платона, а также жизненный путь Гегеля, Хайдеггера) [19], либо пагубным для государственности.

Нежелательность и неприемлемость философии для государственного управления пытался, например, доказать русский литератор, проживавший во время Второй мировой войны на территории фашистской Германии И.Л.Солоневич (1891-1953). Он, в частности, категорически утверждал, что на философском фундаменте невозможна ни культура, ни государственность. В работе «Народная монархия» он подробно развивал представления о нежелательности союза философии и государственного управления, т.к.: «1. ни

одна великая культура не строилась на основах философии – все они строились на основе религии. 2. Ни одна государственность, кроме якобинской, большевистской и нацистской, не строилась на основах философии – она строилась на основах традиции. 3. Ни одна из тысяч и тысяч попыток построить любое человеческое общежитие на любых философских началах не кончалась ничем – кроме уголовных скандалов. <...> 4. Ни один разумный человек в мире не будет устраивать бытия своего на каких бы то ни было философских началах. <...> 5. Всякая философия обязана «вырабатывать мировоззрение». То есть она не может не пытаться занять в человеческой душе то место, которое занимает религия» [цит. по: 13]. Не сложно указать мировоззренческие предпосылки приведенных выше доводов: только религия, традиция, коллективное бессознательное, обеспечивают жизнеспособность государственного управления. Конечно, в том случае, если религия является мировой, то раскрыть ее цивилизационное значение не так уж и сложно. Однако, при этом остается открытым вопрос о возможности межрелигиозного диалога, при том, что в основе диалогов его составляющих будут лежать не вполне совместимые друг с другом типы веры. Неудивительно, поэтому, что сам критик философии государственного управления и сторонник религии государственного управления И.Л.Солоневич риторически вопрошал: «Почему такими неудачными оказались все попытки германизма построить империю? И почему Россия – при всей ее технической отсталости и «географической обездоленности» построила величайшую в истории мира государственность?» [13].

С одной стороны, он признавал, что ответить на этот вопрос мы не можем – и это будет честный ответ. Однако, рассматривая факт существования на протяжении одиннадцати веков русской монархической

государственности, можно провести следующую аналогию: «если у человека не работает, или работает плохо, половой инстинкт, он ни при каких условиях семьи не создаст. Если половой инстинкт находится в порядке, то семья будет создана даже в самых невероятных условиях... Если у народа не действует государственный инстинкт, то ни при каких географических, климатических и прочих условиях, этот народ государство не создаст. Если народ обладает государственным инстинктом, то государство будет создано вопреки географии, вопреки климату и, если хотите, то даже и вопреки истории. Так было создано русское государство» [13].

Постулируя существования психологического государственного инстинкта в качестве отправной точки государственного строительства и государственного управления, И.Л.Солоневич воленс ноленс увязывал диалектику государственного управления и государственного строительства с закономерностями общественной психологией и коллективного бессознательного народов. Несмотря на то, что в животном мире нам известны примеры инстинктивного строительства, достаточных оснований отождествлять закономерности возведения муравейников или бобровых хаток с процессами государственного строительства и управления у нас нет.

Следовательно, апелляции к общественной психологии и бессознательному, как идейному фундаменту процессов государственного строительства и государственного управления, по меньшей мере, заслуживают большего обоснования и доказательства, чем это представлено в современной отечественной и зарубежной литературе [см.: 28, 29, 30].

Таким образом, диалектика государственного управления и регулирования, с одной стороны, и глобального управления и регулирования, с другой сто-

роны адекватнее всего раскрывается в случае выявления их противоречивых и опосредствованных связей. Эти связи реализуются через глобальные и локальные, объективные и субъективные, интеграционные и сепаратистские, а также внутренние и внешние, необходимые и случайные, формальные и содержательные, общие и единичные и др. так сказать синергетические стороны, которые взаимодействуют между собой через разнообразные опосредствующие звенья.

Важнейшим опосредствующим звеном взаимодействия государственного строительства, государственного и глобального управления в наши дни выступают объективные и субъективные стороны процесса глобализации.

В зависимости от того, каким образом нами понимается природа процесса глобализации в целом, а также специфика взаимосвязи, прежде всего ее субъективных и объективных сторон, можно выделить несколько направлений истолкования диалектики государственного управления, регулирования и глобализации.

А именно: направления глобального управления и глобальной управляемости, глобального регулирования, а также взаимоувязывания глобального и локального, интеграционного и сепаратистского аспектов управления в конкретно-исторических условиях.

Проведенный нами анализ также показал, что, если роль и значение ценностей и философии в диалектике государственного строительства и государственного управления в наши дни энергично аргументируется не только отечественными, но и многими современными западными мыслителями, то обращение в экспликации этой диалектики к культурно-цивилизационным системам, идеологии и идеологической работе подчеркивает своеобразие отечественной исследовательской традиции.

Список литературы:

1. *Атаманчук Г.В.* Обеспечение рациональности государственного управления . М.: Юридическая лит., 1990. – 352 с.
2. *Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / ер. с англ. Москва: Междунар. отношения, 2010. – 264 с.
3. *Вебер А.Б.* Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. – 2009. №1(3). – С. 3 – 15.
4. *Войтоловский Ф.Г.* Проблематика глобального управления в Западной политологии // Международные процессы. – 2005. – № 1. – С. 42 – 52.
5. *Глазунова Н.И.* Система государственного управления. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 551 с.
6. Декларация тысячелетия ООН. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml. – Дата обращения: 05.2013
7. *Диев В.С.* Управление. Философия. Общество // Вопросы философии. – 2010. – № 5. [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=197&Itemid=52. – Дата обращения: 02.2013.
8. *Диев В.С.* Философия управления // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Т. VII. Вып. 1 (25). – С. 295 – 316.
9. *Дробот Г.А.* Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений // Век глобализации. – 2011. – №2(8) – С.10-13.

10. *Купряшин Г.Л.* Модернизация государственного управления: институты и интересы . М.: Изд-во Московского ун-та. – 312 с.
11. *Мариносян Х.Э.* Императивы модернизации национального государства в эпоху глобализации // *Философские науки.* – 2011. – №1. – С. 5 – 17.
12. *Мариносян Х.Э.* Философия модернизации: от дискурса национализма к императиву интернационализма, или от национального дискурса к интернациональному императиву // *Философские науки.* – 2010. – № 1. – С. 5 – 12.
13. *Миронов, А.В. И.Л.Солоневич: ответ русской истории П.Я.Чаадаеву, Ш.Монтескье, Н.Я.Данилевскому и другим / А.В.Миронов.* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.solonevich.narod.ru/mironov1.html>. – Дата доступа: 1.02.2013
14. *Морозевич А.Н.* Эффективные кадры для эффективного государства // *Международный диалог «Актуальное управленческое образование как ответ современным вызовам».* Материалы встречи ректоров академий и институтов государственного управления и государственной службы стран ЕРВАзЭС (Минск, 29-30 марта 2010 г.). – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2010. – С. 6-13.
15. *Нисневич Ю.А.* Информация и власть . М.: Мысль, 2000. –175 с.
16. *Нисневич Ю.А.* Электронное правительство как постиндустриальная философия государственного управления // *Теория и практика общественно-научной информации.* – 2005. – № 19. – С. 153-170 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ticket/1>

- 36118900525db1220b7e740fb5443d0ec2e829e37/ep_fi
losofiya.pdf. – Дата обращения: 1.05.2013.
17. *Овчинникова Н.В.* История развития теории и практики управления в России в XX веке. М.: Изд-во Исполитова, 2005. – 200 с.
 18. *Ратцингер Й.* (Бенедикт XVI) Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовам времени / пер. с нем. М.: Библиейско-богословский институт Св. апостола Андрея, 2007. – 162 с.
 19. *Румянцева Т.Г.* Чему не учат уроки Сиракуз, или нужно ли философу управлять государством? (Платон, Гегель, Хайдеггер) // *Философия и социальные науки*, 2011. – №3-4. – С. 36 – 40.
 20. *Сморгунов Л.В.* В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XXI веке // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Философия, культурология, политология, право, международные отношения.* – 2011. – № 4. – С. 85 – 96.
 21. *Соколова С.Н.* Философия государственного регулирования безопасности в российском обществе: дисс. на соискание уч. степ. докт. филос. наук: 09.00.11. М., 2011. – 368 с.
 22. *Сулакшин С.С.* Системная методология проектирования государственно-управленческих решений // *Власть.* – 2006. – № 5. – С. 10-19.
 23. *Тютюнник Ю.* Антиглобализм и тоталитаризм // *Альтернативы.* 2001. – № 4. – С. 53-55.
 24. *Хелд Д.* Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д.Хелд и др. Москва: Праксис, 2004. – 575 с.
 25. *Чумаков А.Н.* Культурно-цивилизационный диалог как способ решения проблем современности // *Вопросы философии.* – 2013. – № 1. – [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&ta

- sk= view&id=694 &Itemid=52. – Дата обращения: 01.03.2013.
26. *Шевченко В.Н.* Модернизация или национальный путь развития России / В.Н.Шевченко // *Философские науки*. – 2011. – № 1. – С.46 – 59.
27. *Якунин В.И.* Ценности и государственное управление [Электронный ресурс]. URL: http://culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1245&Itemid=32). – Дата доступа: 1.02.2013.
28. *Reinhard W.* Power Elites and State Building . Oxford: Clarendon Press, 1996. – 316 p.
29. *Smith G.* State-building in Russia : the Yeltsin Legacy and the Challenge of the Future. Armonk, N.Y. : M.E. Sharpe, 1999. – 234 p.
30. *Waldner D.* State Building and Late Development. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1999. – 246 p.

Об авторах

Чуешов Виктор Иванович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, tchoue@mail.ru.

Еськевич Константин Романович – старший преподаватель кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, ecr81@mail.ru.

About authors

Prof. Dr. Viktor Chueshov (Tchouechov), Head of the department of philosophy and ideology, Academy of public administration under aegis of the President of the Republic of Belarus, tchoue@mail.ru.

Eskevitch Konstantin Romanovitch, lecturer of the department of philosophy and ideology, Academy of public

administration under aegis of the President of the Republic of Belarus, ecr81@mail.ru.